

Человек – портфель. Субъективные заметки о психологических особенностях чиновников.

- *Неужели Печать? – спросил он с ужасом.*
 - *Да, -сказал Роман. – Увы.*
 - *Большая?*
 - *Очень большая, – сказал Роман.*
 - *И круглая?*
 - *Зверски круглая, - сказал Роман. – Никаких шансов.*
 - *Но, позвольте, - сказал Эдик. – Если, скажем...скажем, оквадратить? Скажем..э-э...преобразование Киврина-Оппенгеймера?...*
- Роман покачал головой.*
- *Определитель Жемайтиса равен нулю.*
 - *Ты хочешь сказать – близок к нулю?*
 - *А то бы мы без тебя не догадались. Равен, товарищ Амперян! Равен!*
 - *Определитель Жемайтиса равен нулю, – повторил Роман. – Плотность административного поля в каждой доступной точке превышает число Одина, административная устойчивость абсолютна...*

Аркадий и Борис Стругацкие «Сказка о тройке»

Предупреждение.

Этот текст не претендует на строгую научность. Не претендует хотя-бы потому, что выводы, в нем представленные, являются результатом эмпирических наблюдений. А, как известно, на основе эмпирических наблюдений никакую серьезную теорию построить невозможно. Кроме того, это были мои собственные, очень субъективные, и даже пристрастные наблюдения. Так что о научности выводов говорить не приходится. И все же я думаю, что мои размышления могут показаться кому-то небезынтересными. Собственно поэтому я и решил их представить вашему вниманию.

Я не люблю чиновников. А если точнее, я не люблю чиновников от образования. Не всех, конечно (всех чиновников от образования я не знаю). Я ничего не могу сказать о чиновниках, функционирующих в других сферах – промышленности, сельском хозяйстве, армии, спорте и т.д. Что же касается чиновников от образования¹, то мне, по роду своей деятельности, иногда приходится с ними общаться и наблюдать их, так сказать, в их естественной среде обитания. Может быть мне просто ужасно не повезло (и я даже готов это признать), но опыт такого

¹ В представленном тексте речь пойдет именно о чиновниках от образования. Поэтому под словом “чиновник” будет иметься в виду только, и исключительно только «чиновник от образования».

общения и наблюдений вызывает у меня чувство глубокого уныния в комплексе с идиосинкразией. Я постепенно пришел к выводу, что если чиновники и имеют интеллект (и вообще психику), то интеллект этот и эта психика особенные, отличные от человеческих. Нижеследующий текст объясняет, почему и на каком основании я пришел к этому выводу.

Откуда они берутся?

Я очень долго не понимал, как человек, находясь в здравом уме и в твердой памяти, совершенно добровольно может пойти работать чиновником. Не понимал до тех пор, пока мой приятель (по профессии социолог) не объяснил мне механизм происхождения чиновников. Ход его размышлений был примерно такой. Кто поступает в педагогические институты? Это либо люди, идущие в педагогику по призванию, либо те, кто еще не определился, и, наконец, те, кто в силу ограниченности интеллектуальных способностей не могут позволить себе поступать в престижные высшие учебные заведения. Это – первый фильтр, отраженный в известной народной поговорке «Стыда нет – иди в МЕД, ума нет – иди в ПЕД». После окончания института происходит вторая фильтрация. Те молодые специалисты, кто что-то из себя представляют, находят себе место под солнцем, очень часто связанное с творческой деятельностью – журналистика, искусство, наука, компьютеры и т. д. Многие остаются работать в школе, становясь настоящими профессионалами. Ну а те, кто в силу своих умственных возможностей оказывается неспособным к этим видам деятельности, как правило, оказываются чиновниками от образования. Так что многие чиновники от образования – это неудавшиеся, несостоявшиеся учителя, художники, ученые, журналисты... Несостоявшиеся люди, короче говоря. Может быть, размышления моего приятеля-социолога не отражают всей картины происхождения чиновников, но что-то в этом есть... Кроме того, некоторые исследователи считают, что чиновники размножаются делением. Как иначе объяснить тот факт, что любая чиновничья контора через некоторое время после своего появления начинает порождать из себя собственные подразделения – отделы, подотделы, комиссии, подкомиссии и т.д., каждое из которых, стремительно разрастаясь, стремится превратиться в самостоятельную чиновничью контору. Кроме того, я не исключаю и вегетативный способ размножения. Не только потому, что чем больше их «подстригают» сверху, тем пышнее они разрастаются вширь, но и потому, что любая попытка сокращения чиновничьего аппарата приводит к единственному результату – увеличению чиновничьего аппарата. Впрочем, я охотно приму и иные версии, ибо в целом вопрос об их происхождении остается открытым и ждет своего пытливого и беспристрастного исследователя.

Как я исследовал чиновников?

По-правде говоря, сначала я хотел назвать эту часть «Методы исследования». Но поскольку я не использовал эти методы систематически, я решил ограничиться заголовком «Как я исследовал чиновников?». Основных методов было пять. Первый – наблюдение. Этот метод является классическим в психологии и поэтому подробно описывать его я не буду. Упомяну лишь, что иногда я использовал особый тип наблюдения – так называемое «включенное наблюдение», суть которого, как известно, состоит в том, что экспериментатор на определенном этапе включается во взаимодействие с наблюдаемым объектом. Правда в моем случае, и это надо признать, не я включался во взаимодействие по собственной воле, а сами чиновники включали во взаимодействие с ними меня, и часто против моей воли. При этом во всех случаях инициатива исходила с их стороны. Так что налицо имеется нарушение чистоты исследования, что является лишним поводом усомниться в степени научности выводов, сделанных в результате использования этого метода.

Второй метод – беседа. Здесь, как и в первом случае, мы имеем дело с методом классическим, что избавляет меня от необходимости его детального описания. Скажу только, что мне пришлось (в соответствии с природой объекта исследования) сплошь и рядом использовать определенный тип беседы, известный в психологической науке как «клиническая беседа». Интересно, что я никогда не ставил специальной цели проведения именно клинической беседы, широко применяемой, как известно, и в психиатрии. Но очень часто через некоторое время после начала беседы я, к ужасу своему, понимал, что беседа становится клинической, помимо моей воли и желания. При этом обнаружилось одно интересное обстоятельство: судя по некоторым репликам в ходе клинических бесед, некоторые из моих испытуемых принимали меня за человека с психическими отклонениями, зачастую не понимающего элементарных вещей. С одной стороны, мне было чрезвычайно приятно, что они не принимают меня за своего, а с другой стороны, печально, потому что, как известно из психиатрии, именно так ведут себя по отношению к врачу пациенты, страдающие манией величия... Они воспринимали меня, как больного, точно так же как пациенты, страдающие манией величия, воспринимают врача...

Метод третий, известный как "case study". Это, как известно, не просто анализ, изучение (study) какого-то случая (case), это анализ случая типичного, или нескольких типичных случаев, в которых, как в капле воды, отражается вся клиническая картина. Как известно, валидность этого метода невысока, и здесь все зависит именно от степени типичности рассматриваемых случаев, строгие критерии которой определить достаточно сложно. Меня оправдывает только то, что этот метод я использовал как дополнительный, в совокупности с методами, рассмотренными выше.

Следующий использованный метод известен как метод анализа продуктов (результатов) деятельности. Я использовал его в минимальной степени, что является несомненным недостатком данного исследования. Но объясняется это отчасти тем, что каждый раз, пытаясь анализировать психологические особенности

чиновников на основании этого метода, то есть, анализируя результаты их деятельности, я приходил к столь неутешительным выводам, что мне становилось просто физически плохо. Дело в том, что не существует ничего, что чиновники не могли бы разрушить, уничтожить в результате своей деятельности, при условии, что это что-то хоть в малейшей степени представляет опасность для их чиновничьего благополучия. Поэтому, по этическим (и, иногда, по чисто физиологическим) соображениям, я использовал этот метод лишь в минимальной степени.

И, наконец, метод последний. Последний не по значимости в представленном исследовании, а последний в списке. Это метод интерпретации ошибочных действий (например, оговорок, описок, и иных «случайных» ошибок разного рода). Как известно, это один из классических методов, используемых в психоанализе. Признаюсь, что, несмотря на неоднозначность этого метода, именно он принес самые интересные результаты в данном исследовании. И хотя психоанализ до сих пор многие считают одним из мифов 20 века, следует признать, что метод интерпретации ошибочных действий (в совокупности с другими методами) иногда дает достаточно интересные результаты.

В заключение, еще несколько слов. Я, к сожалению, не мог использовать в данном исследовании метод эксперимента. То же самое могу сказать и о методе тестирования. Понятно, что в силу природы самого объекта исследования, проведение эксперимента (как лабораторного, так и естественного) оказалось практически невозможным. На тестирование я надеялся до последнего момента, однако все мои попытки использовать этот метод приводили к результатам весьма печальным. Я убедился, что испытуемые, как правило, не в силах понять инструкцию к тестам, что, конечно, весьма странно, в связи с тем, что по роду службы ничего другого, кроме инструкций, они понимать и не должны. Видимо, я столкнулся с феноменом, что чиновники понимают любую инструкцию только в той степени, в которой она позволяет лично получить какую-то выгоду. А поскольку инструкции по выполнению предложенных тестов таких возможностей не предусматривали, чиновники просто не могли эти инструкции понять. Мой приятель социолог подтвердил, что это действительно так и есть и посоветовал способ, которым он всегда пользуется в подобных случаях – просто предложить чиновнику деньги за участие в тестировании. Он уверял меня, что после этого (не после предложения денег, а после их получения), степень понимания инструкции резко возрастает (причем в прямой зависимости от полученной суммы). Но поскольку мое исследование имело спорадический и некоммерческий характер, мне не оставалось ничего иного, как отказаться и от тестирования.

И еще одно, последнее, замечание. Мое исследование действительно не является систематическим. Все началось с того, что в течение ряда лет, я, в силу различных обстоятельств, оказался вынужденным время от времени общаться с чиновниками от образования, и наблюдать за их действиями, словами и поступками. Некоторые результаты этого общения и наблюдений я фиксировал в виде кратких записей, собирая, тем самым, коллекцию чиновничьих глупостей. Первоначально я делал

это для собственного развлечения, а потом просто по инерции, тем более, что поводов для пополнения коллекции чиновники давали более чем достаточно. И все было бы хорошо, но когда моя коллекция чиновничьих глупостей перевалила за триста экземпляров, я пришел к пониманию, что имею дело не просто с некоторым количеством фактологического материала, тенденциозно подобранного, и даже не просто с некоторым объемом феноменологии. Я понял, что речь идет о чем-то более сложном, речь идет о некоем *системном объекте*, проявляющем себя в этой феноменологии. Я подумал, что если соотнести между собой эти мои наблюдения и систематизировать их, то это может привести к некоторому обобщенному психологическому портрету чиновника. Результат этого обобщения я и предлагаю вашему вниманию.

Результаты исследования и их обсуждение

В этой части статьи я буду описывать некоторые характеристики изучаемого объекта.² Описания эти будут сопровождаться примерами, иллюстрациями из моей коллекции чиновничьих глупостей. Я, разумеется, отдаю себе отчет в том, что никакая иллюстрация не может выступать в качестве доказательства, но, с другой стороны, пример или иллюстрация зачастую позволяют увидеть именно то, что характеризует природу изучаемого объекта. Более того, я хотел-бы сразу предупредить, что описывая свойства изучаемого объекта, я специально и целенаправленно ограничивал себя в количестве приводимых примеров. Каждое положение, каждую характеристику изучаемого объекта я буду иллюстрировать лишь одним или двумя примерами. И эти примеры-иллюстрации зачастую не являются самими яркими из моей коллекции, но зато они представляются самими типичными для изучаемого объекта. Вместо одного-двух примеров я мог-бы привести десятки, но это никак не повлияло бы на общие выводы.

Общее состояние объекта исследования

Правила обследования (исследования) требуют перед тем, как переходить к детальному анализу, выявить общее состояние объекта исследования. Должен констатировать в этой связи, что общее психологическое состояние объекта исследования можно характеризовать, как манию величия (на фоне комплекса неполноценности) вкупе с отсутствием развитого мышления. Попробую пояснить это утверждение.

Мания величия или комплекс неполноценности?

Чиновники почти никогда не называют себя чиновниками, предпочитая иные термины. Раньше достаточно распространенным было обозначение «ответственный

² Под словом «изучаемый объект» я, опять-таки, буду иметь в виду чиновников от образования.

работник». В наши дни они любят, и без всякого на то содержательного основания, называть себя управленцами или менеджерами. Объяснить это распространенное явление иными причинами, чем манией величия, не представляется возможным. Кроме того, многие чиновничьи конторы называются *Управлениями* (или даже *Главными управлениями*). Так управление как таковое перестает быть *процессом* и становится конторой, чиновничьей структурой, теряя свой первоначальный смысл и суть. Так что чиновники называют себя управленцами вовсе не потому, что они чем-то управляют, а просто потому, что служат в *Управлении*. При этом любопытным является то обстоятельство, что чиновник низшего звена, но работающий в *Главном Управлении* всегда имеет более высокий формальный статус, чем чиновник высшего звена, но служащий в просто *Управлении*. А, поскольку любая чиновничья контора имеет тенденцию превращаться в *Управление* можно сказать, что мания величия носит среди чиновников характер эпидемии.

С другой стороны, существует точка зрения, что у некоторых чиновников наблюдается отчетливо выраженный комплекс неполноценности, выявляющийся через защитный механизм идентификации (отождествления). Из классического психоанализа хорошо известно, что чем менее развит и самостоятелен человек, чем менее он состоятелен как личность, и чем более он ущербен, тем более он склонен отождествлять, идентифицировать себя с чем-то (или кем-то) изначально более сильным, более мощным, компенсируя тем самым свою ущербность. Так вот, у некоторых чиновников этот защитный механизм является едва-ли не доминирующим, что и дает основание предполагать наличие глубокого комплекса неполноценности. Например, некоторые чиновники очень часто называют себя «государственными людьми». Словосочетания типа: «Мы, как государственные люди, не можем допустить...» и т.д. весьма распространены, и, как ни странно, главным образом в провинции. Один из обследуемых, товарищ П.И. использовал это выражение с частотой до 12 раз в день, особенно общаясь с подчиненными, хотя занимал скромный пост заведующего районным отделом образования. Это очень напомнило мне еще один клинический случай: корреспондент заводской многотиражки, выйдя на пенсию, подрядился читать лекции о международном положении для таких же пенсионеров по линии ЖЭКа. В каждой своей лекции он использовал фразу «Мы, журналисты-международники...», хотя за всю свою жизнь никуда дальше Малаховки не выезжал и об иностранных языках знал лишь понаслышке. Как видим, клинические проявления в обоих случаях во многом совпадают. Косвенным подтверждением наличия глубокого комплекса неполноценности может выступать то обстоятельство, что люди выдающиеся существовали, и существуют, во всех общественно значимых сферах – в науке, в искусстве, в политике, в военном деле, в спорте и т.д. История знает примеры выдающихся преступников и даже выдающихся авантюристов. Но история не знает ни одного выдающегося чиновника. Таких просто никогда не было и нет. Зато всегда были, и есть, выдающиеся государственные деятели. Может быть именно поэтому, чиновники предпочитают отождествлять себя именно с «государственными людьми», так себя и называя... Но это, повторяю, лишь косвенное свидетельство, не претендующее на истину.

Мне остается лишь добавить, что сочетание мании величия с комплексом неполноценности не является столь уж редким случаем в клинической практике современной психиатрии.

Особенности мышления

Специалисты в этой области выделяют два основных типа мышления. Первый – мышление конкретно-образное (эмпирическое), второй – мышление теоретическое (абстрактное). Для первого типа мышления характерно то, что оно в целом не выходит за рамки чувственных образов, наглядных представлений. Сравнение и обобщение здесь осуществляются на основе внешних, поверхностных признаков предметов и явлений, представленных в чувственных образах. Такие умственные действия, как систематизация, классификация, сравнение, обобщение если и имеют место, то осуществляются только на основе внешних, поверхностных признаков предметов и явлений. Происходит то, что психологи называют вербализацией (озвучиванием) чувственных образов. Эмпирическое мышление ограничено в том смысле, что неспособно проникать *в сущность* анализируемых предметов, имея дело лишь со словесными описаниями (озвучиваниями) их *внешних признаков*. Многочисленные исследования показали, что такой тип мышления преобладает у детей старшего дошкольного возраста. В более старшем возрасте (примерно в возрасте 12 лет, а при особой системе обучения даже раньше – к концу начальной школы) возникают предпосылки для формирования второго типа мышления – мышления абстрактного, теоретического, мышления не образами, а понятиями. Особенностью этого типа мышления является то, что оно способно проникать в суть явлений и предметов, вскрывать и анализировать их внутреннюю сторону, скрытую от мышления эмпирического. Понятно, что именно этот тип мышления может быть назван *мышлением в полном смысле слова*.

Так вот, по моим субъективным наблюдениям, абсолютное большинство чиновников остаются на уровне мышления эмпирического. И это отнюдь не мешает им функционировать в своих чиновничьих структурах. При этом удалось выявить ряд интересных особенностей, о которых следует упомянуть. С некоторых пор в чиновничьих кругах появилось новое словечко – «озвучить» или «озвучивать». Появившись однажды в чиновничьем лексиконе, оно невероятно быстро закрепилось и получило широкое распространение. Фразы типа: «Решение было озвучено министром...», «проблемы, озвученные на коллегии...» и т.д. и т.п., стали почти непременным атрибутом чиновничьей терминологии. Это как-раз и свидетельствует, что для чиновника озвучивание, вербализация некоего образа (а лучше – постановления, или решения) является чрезвычайно важной функцией, порой заменяющей способность самостоятельного понятийного мышления. Мышление чиновника сплошь и рядом только и состоит из разного рода «озвучиваний». Вторая из выявленных особенностей состоит в том, что в тех редких случаях, когда чиновником становится человек, обладающий абстрактно-логическим мышлением, через некоторое время он утрачивает эту способность и

его мышление регрессирует на уровень эмпирический. Это лишний раз свидетельствует о глубокой связи между развитием мышления (и его регрессом) и деятельностью, связи, которая достаточно хорошо исследована в современной психологии. Третья особенность состоит в том, что чиновники вообще очень подозрительно и неприязненно относятся к людям, обладающим развитым мышлением, короче говоря, к людям умным. «Ты что, умнее всех?», «Больно умный!», «Ишь, умник какой нашелся!» – фразы подобного рода в устах чиновника звучат не как комплимент, а как обвинение, а иногда и как приговор. Причем, если чиновники низшего звена к умным людям относятся с некоторой опаской и подозрением, то чиновники звена среднего чаще всего относятся к ним с открытой неприязнью, иногда даже с ненавистью, которую особенно и не скрывают, особенно в кулуарах. К сожалению, я не располагаю данными о том, как к умным людям относятся чиновники звена высшего, а экстраполяция и необоснованных предположений мне делать бы не хотелось.

Следующая особенность чиновников состоит в том, что, как известно, они крайне редко что-то разрешают, то есть, дают разрешение. Им гораздо легче и спокойнее что-то запретить, чем разрешить. Исследователи объясняют эту особенность чиновника различными причинами. Мне же кажется, что все дело здесь в особенностях мышления чиновника. Ведь развитое мышление предполагает его самостоятельность и творческий характер. Оно связано со способностью к решению проблем. Чиновники потому и не склонны разрешать что-то, потому что разрешить – это значит разрешИТЬ, то есть принять определенное РЕШЕНИЕ. А к этому виду интеллектуальной деятельности они органически не способны. И если нет инструкции, предписывающей чиновнику именно это разрешить, то он в 100% это не разрешит, то есть запретит. Когда на заре так называемой перестройки был провозглашен лозунг «Разрешено то, что не запрещено» это вызвало настоящую панику среди чиновников. Но через некоторое время все встало на свои места и лозунг этот, как и многое другое из горбачевского словоблудия, канул в Лету.

Анализ особенностей мышления чиновников закончу иллюстрацией. Иллюстраций на эту тему из моей коллекции можно было бы привести очень много, но я ограничусь лишь одной. В ней – и особенности мышления чиновников, и их отношение к умным людям, и мышлению вообще. Когда в одном из северных городов России мы открыли класс в начальной школе, работавший по системе развивающего обучения Эльконина-Давыдова³, одна чиновница высказалась достаточно откровенно: «Посмотрите, что они с детьми делают! Они учат их мыслить! Дети не должны мыслить, они должны радоваться жизни!». Остальная чиновничья братия выразила коллеге полную поддержку, и через некоторое время эксперимент был закрыт.

Перейдем теперь к более детальному анализу психологических особенностей чиновников.

³ Специалисты знают, что в основе системы Эльконина-Давыдова лежит развитие у младших школьников теоретического (понятийного) мышления.

Профессиональные и личностные характеристики чиновников

Профессионализм

Никто не будет спорить, что важнейшая характеристика любого профессионала – это знание своего дела. Теперь это стало модным называть «компетентностью» или «компетенцией». Слово «компетенция» в чиновничьем лексиконе давно утратило свой первоначальный смысл – «сфера полномочий», и теперь оно непонятно что означает, но, тем не менее, красиво звучит (как выразился один чиновник), и особенно красиво звучит оно во множественном числе – «компетенции». Очевидно, гораздо приятнее осознавать, что у тебя не одна «компетенция», а несколько. Так вот, по моим наблюдениям, у чиновников «компетенция» и «знание дела» – это не одно и то же. Чем меньше чиновник знает дело, тем больше у него «компетенции». Для пояснения – несколько примеров из коллекции. Когда одного чиновника назначили директором Института повышения квалификации учителей (а должность директора – это, в отличие от чиновника – должность управленческая, требующая хотя-бы минимального профессионализма), то на вопрос о том, как отразится деятельность института на качестве обучения детей, он ответил: «А при чем здесь дети? Я возглавляю институт повышения квалификации учителей!» Комментарии, как говорится, излишни... Мало этого, в качестве одного из первых шагов, новоиспеченный директор закрыл в институте отделение подготовки учителей мировой художественной культуры. Попробуйте угадать, чем он это мотивировал? Никогда не догадаетесь (если вы не чиновник). Он мотивировал это тем, что...такого учебного предмета в школах не существует! Вот это, видимо, и есть то, что называется на чиновничьем языке словом «компетенция». И если вы думаете, что после подобных заявлений чиновника немедленно отстранили от должности, то ошибаетесь. Он, благодаря своей «компетенции», наоборот получил повышение и работает теперь начальником Управления образования одной из областей северной части России. Остается только надеяться, что сейчас он уже понимает, что учителя имеют отношение к детям, а мировая художественная культура все-таки существует, и не только как учебный предмет.

Человеческие качества

Что представляют собой чиновники, так сказать, с человеческой точки зрения? Что они за люди такие? Честно говоря, я не решился бы отвечать на этот вопрос и даже его формулировать, если бы не одно обстоятельство. И вопрос этот и ответ на него я услышал непосредственно из уст одной чиновницы и при весьма интересных обстоятельствах. На одной научной конференции по проблемам образования, этой чиновнице было предоставлено слово для выступления. Я не знаю почему, но чиновники время от времени выступают на научных (и особенно на научно-практических) конференциях. Одно дело, когда они выступают с приветственным словом от своих чиновничьих контор. Это, по-крайней мере, понятно, так как

является частью протокола⁴. И совсем другое дело, когда они выступают с различного рода докладами и сообщениями. Вероятно, они делают это в силу каких-то неведомых мне причин (некоторые чиновники даже имеют ученые степени), но, скорее всего, просто потому, что это тешит их самолюбие. Так вот, среди всего прочего, эта чиновница начала рассказывать о «программе борьбы с бездомными детьми» (я привожу именно ее формулировку!), объявленной президентом некоторое время назад. И тут прозвучало буквально следующее. Цитирую по своей стенографической записи: «Ну что мы за люди за такие! Пока президент не обратил наше внимание на проблему борьбы с бездомными детьми, мы эту проблему в упор не видели!». Я, честно сказать, опешил. Такое признание со стороны чиновника, как говорится, дорогого стоит! Они, чиновники, именно такие люди и есть. И дело даже не в том, что чиновница эта собиралась бороться с *бездомными детьми* (с детьми, а не с бездомностью). Дело в том, что если прикажет президент бороться с детской безнадзорностью – будут изо всех сил бороться, ну а если прикажет он ворон по всей стране ловить – будут с не меньшим рвением выполнять и это указание...Они вообще видят проблему только тогда, когда на нее укажет вышестоящее начальство. Такие уж они люди, в чем сами и признаются.

Но есть и обратная сторона медали – отношение чиновников к нижестоящим, и в этом тоже проявляется, что они за люди такие - чиновники. Не хочу об этом говорить развернуто, хотя-бы потому, что каждый, читающий эти строки, наверняка хотя бы раз испытал на себе это отношение. Просто приведу еще один пример. И опять речь пойдет о научно-практической конференции. Однажды (уже не помню при каких обстоятельствах) я был включен в члены некоего оргкомитета по подготовке научно-практической конференции учителей. Суть ее заключалась в том, чтобы подвести итоги эксперимента по внедрению в одном из регионов России некоей образовательной системы. Мне с самого начала было понятно, что это исключительно чиновничья затея, затеянная для чиновников же. Эта образовательная программа уже много лет использовалась по всей стране и потому ни в каком эксперименте по ее внедрению вообще не было необходимости. И, собственно говоря, самого эксперимента в нормальном смысле этого слова не было тоже, во всяком случае, то, что делалось в течение нескольких лет под вывеской «эксперимент», экспериментом ни при каких обстоятельствах считаться не могло. Но моя иллюстрация не об этом. Чиновница – председатель оргкомитета, начала заседание так: - «Ну что, уважаемые коллеги. Эксперимент завершен. Давайте соберем учителей на конференцию и *заслушаем*, что они сделали...» Ни много – ни мало, а именно так: *заслушаем*. И дело не в том, что чиновник перепутал научную конференцию с отчетно-выборным собранием. Дело в том, что по логике вещей *такой*, с позволения сказать, эксперимент должен был закончиться именно такой конференцией. Что, в конечном счете, и произошло. Конференция эта, хоть и

⁴ Не могу не вспомнить великолепное выступление Министра Образования Финляндии на крупной международной научной конференции. Её приветственное слово было очень кратким. Сказала она примерно следующее: «Уважаемые дамы и господа! Я не хочу отвлекать ваше внимание более чем на одну минуту. Я просто хочу поприветствовать Вас и пожелать всем успеха. Спасибо за внимание». Можете себе представить, с каким неподдельным энтузиазмом это выступление было встречено всеми присутствующими.

состоялась, но ни к науке, ни к внедряемой образовательной системе отношения не имела. Заслушали нижестоящих (учителей), отчитались перед вышестоящими и благополучно обо всем забыли. Просто чиновники – это такие особенные люди, что *слушать* (слушаться) могут только вышестоящих, а всех, кто ниже – они могут только *заслушивать*.

Морально-нравственные качества

Морально-нравственные качества, представления о Добре и Зле, являются важнейшей характеристикой личности. В этом смысле чиновники представляют собой уникальный объект для исследования. Я вовсе не имею в виду их повальное и неистребимое мздоимство, казнокрадство, о котором не пишет и не говорит только ленивый. Я хочу поделиться своими наблюдениями о том, каковы представления чиновников о Добре и Зле, так сказать, в чистом виде.

Приведу лишь два примера. Первый: несколько лет назад по телевидению прошел страшный сюжет о том, как на далекой таежной заимке мать издевалась над своей дочерью и ее сыном. Она держала их как собак, на улице привязанными на цепи. Этот сюжет вызвал целую бурю реакций по всей стране. Звериная жестокость матери по отношению к дочери и внуку никого не оставила равнодушным. Так вот, когда в телевизионной передаче одну чиновницу от образования попросили высказаться по отношению к этому, она сказала буквально следующее: - «А куда смотрели соседи? Они же всё знали и видели. Они хотели быть добренькими. А ведь доброта, как известно, хуже воровства!». Развернутых комментариев, я думаю, не надо. Случайно, в ситуации эмоционального волнения, чиновница четко высказала свою позицию: - Есть много пороков, например, воровство. А доброта – еще хуже, чем воровство...». Мне могут возразить, что это просто оговорка. Может быть и оговорка. Но зато какая! Классическая оговорка – скажет любой психоаналитик! Я-же, напротив, склонен думать, что чиновница сказала как-раз именно то, что хотела сказать. Ведь в оговорке всегда имеется нарушение логики. Именно на этом основании она и определяется психоаналитиками как оговорка. Во фразе чиновницы, напротив, все логично. Перечитайте ее еще раз и убедитесь сами. А я перейду ко второму примеру.

Много лет назад, поступая в аспирантуру, я оказался в Министерстве образования, что в Москве, на Чистых Прудах. Никогда не забуду короткую сцену, случайным свидетелем которой стал. Какая-то женщина интеллигентного вида - посетительница Министерства, этого чиновничьего заповедника, видимо замученная и доведенная до отчаяния, в сердцах и довольно громко взмолилась: «Ну, помогите же мне, люди добрые!» Не знаю, какая помощь была ей нужна – подписать ли бумагу, решить-ли какой-то вопрос, или просто проконсультироваться. Суть не в этом. Меня поразило то, как на эту *мольбу* о помощи отреагировала чиновница, сидящая в кабинете: «Мы вам здесь не люди добрые! Мы – сотрудники министерства!» И это уж точно не оговорка. Это – позиция. Чиновник, по крайней мере пока он на службе, вообще находится вне категорий Добра и Зла, а значит вне нравственности и морали.

Чиновник, пока он на службе, вообще не является человеком в полном смысле слова. Честно говоря, мне очень не хочется верить, что это на самом деле так.

Особенности языка

Завершить анализ представленных материалов я хотел бы некоторыми примерами чиновничьего языка. Речь человека, простите за тавтологию, о многом может сказать. Словарный запас, лексика, построение высказываний и иные особенности речи традиционно являются достаточно надежными средствами психологического анализа уровня развития мышления (и не только мышления, но и личностных особенностей) у испытуемых. Я никогда не смогу забыть «перл» чиновничьего языка, который когда-то увидел собственными глазами. Это был документ, причем документ официальный, заверенный всевозможными печатями, озаглавленный «Положение об отоваривании товарами повышенного спроса категорий льготных граждан». Было это, как вы понимаете, давно, в те времена, когда еще существовали товары повышенного спроса, так же как и «категории льготных граждан». Но в память сие заглавие врезалось крепко. Это, в некотором смысле, стало для меня образцом чиновничьей речи, ее, так сказать, классическим примером, как мне казалось, непревзойденным, и уж точно непревзойдимым. Об этом, может быть, не стоило и вспоминать, но наблюдения показывают, что *современные* чиновники от образования в этом смысле не менее «креативны».

В подтверждение, я приведу некоторые примеры чиновничьих высказываний, оставляя их без комментариев, которые в данном случае просто излишни.

Вот лишь некоторые выдержки чиновничьих устных высказываний из моей коллекции:

- это подтверждает о том, что...(чиновник П.И. – 1983 год)
- я неодумеваю о том, что... (чиновник С, ведущий специалист министерства, 1992 год)
- я согласен о том, что... (чиновник А, ведущий специалист министерства, 2003 год)
- вы говорите, как будто вы не от мира всего (студентка С., сделавшая впоследствии карьеру чиновника, 1981 год)
- это, что о чем я сказал, имеет определенную роль, и, передавая классику, играет большое значение... (чиновник В.К., заместитель министра, 1995 год)
- выявлено ряд строжайших нарушений... (чиновник В.Н., почти министр, 2005 год)
- допущены грубые недостатки в том, что... (он же, 2005 год)

Выводы и обсуждение

Я долго думал, каким термином можно было бы определить чиновника от образования. Русская литература, имея в виду чиновников (и в прямом, и в

переносном смысле), давно уже предложила целый спектр таких определений – «человек- параграф», «человек-инструкция», «человек-печать», «человек-функция», «человек в футляре» и т.д. Но все-же, говоря не о чиновниках вообще, а именно о чиновниках от образования, я предпочел бы термин «человек-портфель». Для этого у меня есть два основания. Во-первых, портфель есть один из символов школы и образования вообще. Действительно, для ребенка – будущего первоклассника, иметь собственный портфель со всеми школьными принадлежностями, абсолютно точно является символом перехода к школьной жизни. А вот для любого чиновника слово «портфель» имеет совершенно иной смысл. Портфель = должность. Похоже, что у чиновников имеются лишь две задачи – (1) сделать все, чтобы получить портфель и (2) сделать все, чтобы никому свой портфель не отдать, кроме ситуаций, когда получаешь портфель побольше. Именно поэтому определение «человек-портфель» наиболее полно выражает суть жизни чиновников от образования.

Остается только лишь дать последние объяснения. Мое исследование и вправду является очень субъективным. Оно настолько субъективно, что чиновники имеют полное право не воспринимать его всерьез, или даже не воспринимать его вообще. Они даже могут подумать, что этот текст есть не более чем попытка свести с ними счеты со стороны некоего, обиженного ими когда-то, субъекта. Ах, если бы это было действительно так! Ни о каком сведении счетов речи не идет. Текст этот написан отнюдь не для чиновников. Он написан для тех, кто умеет читать и понимать прочитанное. Ну а господа чиновники и были и остаются для меня не более чем лишь объектом анализа. Что же касается сведения счетов, то я могу сказать лишь то, что в этом смысле, чиновники могли бы предъявить свои претензии таким, например, исследователям, как Салтыков-Щедрин, Гоголь, Грибоедов, Чехов, Зиновьев, Б. и А. Стругацкие, Войнович, и многим другим, чьи имена (а уж тем более, работы), конечно, ничего чиновникам не говорят. В этом исследовании я не претендую на хоть какое-либо сравнение с вышеперечисленными исследователями. Единственное, что нас объединяет, так это беспредельная жалость к чиновникам. Именно жалость к ним делает мое исследование крайне субъективным. И именно жалость к ним – к возможным людям, и пусть робкая, но надежда, что они еще могут стать людьми, заставило меня предать это субъективное и ненаучное исследование гласности...

Николай Вересов
13. 11. 2004 – 05.04. 2005
Каяни, Финляндия